

Аман Газиев

ТАЛАССКАЯ БИТВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Эта книга написана в соавторстве с великими мудрецами прошлого: Аль-Джахизом, Ала-Абу Рабат, Усамой ибн Мункызом, Али-Сафи. Да будет вечной их светлая память!

*...Как войско собрать и к каким переходам
Готовить его, отправляясь походом –
Об этом в сей книге понятие дано,
Все точно разобрано, в свод сведено.
Юсуф хас-хаджиб ал-Валасагуни
(462 год хиджры). Бейт 225.*

«Абу Муслим послал к Таразу войска во главе с Зиядом ибн Салихом. Навстречу ему из Суяба двинулась сотысячная танская армия под командованием Гао Сяньчжи. Обе армии встретились в июле 751 г. на р. Талас близ города Атлах...» *

*История Киргизской ССР
с древнейших времен до наших дней.
Том первый. Фрунзе, 1984, с. 252.*

Арабы

Огромный арабский лагерь возник в долине, словно по волшебству. Еще вчера здесь ничего не было. Еще вчера арабы находились в четырех фарсангах¹ отсюда. Стремительность арабского войска – одна из причин их военных удач.

Кто же такие эти новые завоеватели? Удивительный феномен арабов вот уже который век будоражит воображение историков.

Ислам объединил до того враждовавшие племена бедуинов, скитавшиеся в бесплодных пустынях раскаленного Аравийского полуострова. Посланник Аллаха Мухаммед-пророк призвал всех арабов отказаться от бесконечных усобиц, когда одно нищее племя грабит другое, такое же нищее, и сплотиться, чтобы пронести истинную веру по свету, в сказочные страны с райскими зелеными кущами, полноводными реками и изобилием всяческих жизненных благ. Имущество неверных по праву должно принадлежать им, по корням истинному Богу.

Ислам распространялся стремительно, как пожар. Обездоленные и богачи, скромники и честолюбцы, робкие труженики и воинственные фарисы – каждый находил в новой религии изюминку для себя.

И произошло удивительное. Арабские племена, собранные в единый могучий кулак, обрушились на ничего не подозревавших соседей, словно карающая десница. Напор их был поистине сокрушительным. За несколько десятилетий они покорили Египет, Сирию, Палестину, страны Магриба, сасанидский Иран. Их войска стояли под стенами Константинополя. Копыта их лошадей омыли воды Гибралтарского пролива.

На глазах потрясенного человечества возникла мировая держава – Дамасский халифат...

Вслед за покоренным Ираном настала очередь Средней Азии. Здесь от имени Аббасидов действовал их эмиссар, наместник Хорасана – перс Абу Муслим, в прошлом раб. Экспансия арабов продолжалась.

¹ *Фарсанг* – мера длины, около 6 км.

Но к тому времени на среднеазиатской арене появилась новая сила. Войска Поднебесной – так официально называлась средневековая китайская империя династии Тан – вступили на территорию Северного Кыргызстана. В 748 г. они захватили город Суяб¹ и разрушили его. В 749 г. они взяли в плен и казнили владетеля Чача.² Сын казненного обратился за помощью к Абу Муслиму. Тот не упустил случая и послал на восток армию под командованием Зияда ибн Салиха.

И вот теперь, в июне – июле 751 г., войска двух мировых империй двигались к Таласской долине навстречу друг Другу...

Китайцы

В 11-й год Тяньбао войска Поднебесной империи по приказу Сына Неба, государя Сюань-цзуна из династии Тан, выступили...

Короче говоря, танская армия, выступив из Суяба к Таразу, двигалась чрезвычайно медленно. Разноязычные пехотные и кавалерийские части, в которых за время бездействия значительно ослабла дисциплина, громоздкие обозы: маркизанта-торговцы, множество обслуживающего люда, быки, ослы, мулы, верблюды, повозки – все это оказалось неповоротливым скопищем на марше.

А зачем спешить? Главнокомандующий Гао Сяньчжи был уверен в своей силе. Сто тысяч бойцов – кто может противостоять им? Любой противник будет смят и уничтожен доблестными войсками Поднебесной.

...Роскошен громадный шатер главнокомандующего! Его стены – струящийся шелк с вытканными драконами. Высокие деревянные колонны подпирают потолок. Занавеси, украшенные золотом и перьями зимородка, разделяют шатер на

¹ Город Суяб – развалины Ак-Бешим близ современного Токмака.

² Чач – современный Ташкент.

две половины. В первой – приемная, где проводятся военные советы. Во второй – личные покои. Он любил уединяться здесь от воинских забот, когда накатывала тоска...

По своей природе Гао Сяньчжи был склонен к меланхолии. Его ужасала быстротечность времени: яркие воспоминания обостряли ностальгию: он как бы жил в прошлом.

...Как-то на пиру в Западном дворце Императорского знамени Гао Сяньчжи, веселый и довольный тем, что находится среди знаменитых сановников и принцев, увидел входящего Сына Неба... Все почтительно встали... Император милостиво кивал головой и улыбался. Сановники вновь заняли свои места. Только Гао все стоял, словно одинокая пагода в поле... Он очнулся, когда его дернули за рукав. И в продолжение всего пира бросал взгляды туда, где находился император...

Но не на повелителя он смотрел – на юную девушку рядом с ним.

С чем сравнить ее белоснежное лицо? А эти брови? А смеющийся алый рот?

Она была прекраснее Ли¹, обворожительнее Сяо².

Потом он узнал ее имя – «фаворитка Мэй» («Слива»). Так прозвал ее сам Мин Хуан³ за любовь к цветущим сливовым деревьям...

У императора было три первых жены, девять вторых, двадцать семь третьих и восемьдесят одна четвертая. Сорок тысяч наложниц обитало в трех дворцах Чанъани и в двух дворцах Восточной столицы – Лояне. И все они были забыты ради Мэй...

...А потом для фаворитки настали черные времена. Евнух Гао Лиши (любимец императора, крупный политический деятель того времени) раздобыл ослепительную звезду – Ян Гуй Фей, прозванную впоследствии Тай-Чжень («Великая святая»). Новая фаворитка вскоре полностью завладела сердцем императора. Её родственники заняли высшие должности в государстве.

¹ Ли. – супруга ханьского императора У-ди, прославленная красавица древности.

² Сяо – имя, ставшее символом красивой девушки.

³ Мин-Хуан – имя императора Сюань-цзуна.

«Великая святая» оказалась ревнивицей. Ее властному, напористому характеру ничего не смогла противопоставить мягкая, уступчивая Мэй – и была сослана в Северный дворец Шангян. Там ей представилась возможность сколько угодно изливать тоску в стихах и поэмах, которые вскоре широко распространились.

Гао Сяньчжи обладал книгой, в которой все семь поэм «фаворитки Мэй» были запечатлены письмом Иду¹, дабы никто не смог прочесть и узнать его тайну. Ведь Ян Гуй Фей жестоко преследовала тех, кто склонился перед ее соперницей.

Полководец, уединяясь, перечитывал эти поэмы и печально размышлял: почему судьба так жестока? Разве у него мало женщин? Зачем же он мучается лишь одним образом, для него недоступным?

И тогда он призывал флейтисток, певиц и приказывал им исполнять мелодию «Флейта инородца» или знаменитую песню «Одно ху² жемчуга», слова которой сочинила она – красавица Мэй...

* * *

Пехотинец Чжан Лао происходил из Путяна. Когда стали набирать солдат для войны по всем 634 военным округам, забрали и его, молодого мастера по изготовлению бумаги.

А еще Чжан умел замечательно играть на флейте. Этому он научился у матери, преподававшей в одной из цзяо-таней³ Чанъани.

Соседями их была семья Пзян. Глава ее Чжун-сун славился как искусный врач и неплохо зарабатывал. Поэтому у него была возможность холить и лелеять свою единственную дочку. Она не знала черной работы, от которой грубеют руки, портится фигура и слезятся глаза.

Она выросла настоящей красавицей, хотя и была еще очень молода.

¹ Письмо Иду – первая система корейской письменности.

² Ху – мера объема, более 61 л.

³ Цзяотан – школа музыки и танцев.

Дочка Цзянов часто проводила время в своем сливовом саду – она безумно любила сливы в пору их цветения. И с некоторых пор ей стала очень нравиться флейта Чжана Лао.

Молодые люди тайно познакомились – через забор. Чжан был на три года старше своей соседки; оба еще слишком юные, чтобы совершить что-либо предосудительное, они относились друг к другу с глубокой нежностью, скорее как брат и сестра.

Родители, узнав об этом, не стали наказывать детей: ведь их семьи занимали примерно одинаковое положение в обществе, поэтому для брака препятствия не было.

Поговаривали о скорой свадьбе.

Но тут князь ада Яньло (не иначе!) прислал в Путян евнуха Гао Лиши, любимца императора. Евнух искал красавиц для императорского гарема.

Дочь Цзянов только-только стала закалывать прическу (т.е. ей исполнилось пятнадцать лет). Когда Гао Лиши увидел ее, то понял, что нашел сокровище.

Состоялась сделка. Родители получили изрядное богатство, а их истинное, единственное сокровище было увезено в Чанъань «служить у подушки» императора, что означало стать его наложницей.

Горю Чжана Лао не было предела. Вид соседей доводил его до иступления. Он хотел наложить на себя руки. Соседи вскоре переехали: купили роскошный дом и стали жить на широкую ногу.

До Путяна донеслись слухи о том, что дочка Цзяна, стала любимицей Мин Хуана, что она проводит время на пирах вместе с ним и что Сын Неба в ней души не чает и зовет «фавориткой Мэй». Он даже велел посадить целую сливовую рощу – в угоду своей возлюбленной.

Слышать все это Чжану было нестерпимо. Хотя он и понимал: для его любимой настала совсем не та жизнь, какую бы мог ей предложить он.

Наконец, когда три года назад военные чиновники – угуани – производили набор солдат, он пошел служить, вопреки воле родителей...

Так сановник и простолюдин оказались в одной армии, двигающейся в Талас навстречу арабам.

Навстречу друг другу

Танская армия все так же медленно двигалась к городу Таразу.

Главкомандующий Гао Сяньчжи по-прежнему отчаянно скучал. Еще больше душила тоска по ночам. Было очень жарко, и чернокожий раб равномерно обмахивал своего господина драгоценным опахалом из хвостовых перьев королевского фазана.

Рядом с ложем – яшмовый столик. Хотанская яшма, по выражению поэтов, – это ставший кристаллами лунный свет...

На столике, распространяя восхитительный аромат, горит свеча с делениями: по этим делениям определялось время.

Гао Сяньчжи принял из рук слуги нефритовую чашу с самаркандским вином и весь отдался привычным видениям... Вспоминалась двухмиллионная столица империи Чань ань: императорские пиры, помпезные празднества, иллюминации и фейерверки... А то сгущались и таяли перед взором берега озера Тайи с плакучими ивами; изукрашенные лодки, полные придворных красавиц... Виднелся дворец Пышности и Чистоты, ажурные беседки, затененные вьющимися цветами...

Снились песни и танцы музыкантш из «Грушевого сада» – школы искусств при императорском дворе. Ах, как они исполняли знаменитую «Из радуги сотканный шелк, из сверкающих перьев убор»! А изумительный балет «Трели весенней иволги», написанный музыкантом Бо Мин-да из Кучи! Он смотрел его в присутствии императора, рядом с которым сидела Лепесток Сливы... Его тайная и единственная любовь... «Веер, выброшенный осенью»¹.

Вернуться! Вернуться бы в тот благословенный край! Но нет! Нет дороги назад! Первый министр Ли Линьфу передает новые и новые повеления императора. Все они сводятся к одному: захватить и удержать страну Давань² и близлежащие земли. Этого требуют интересы Поднебесной!

¹ Поэтический образ покинутой женщины.

² Давань – современная Фергана.

...Несмотря на июльскую духоту ночи, Догдгончу знобило. Евнух заботливо укрыл ее одеялом из гусиного пуха, под голову положил валик из фарфора, чтобы не испортить прическу.

До сих пор ей удавалось сохранить свою честь. Но что будет дальше?...

Арабы стремительно двигались к Таразу. Аль-Бакка вконец обнищал после потери коня: он даже не мог вносить свою долю в общий котел.

Тогда он решился на отчаянный поступок.

Однажды, когда сам Зияд ибн Салих проезжал мимо их палатки, он остановил его:

— Дозволь обратиться к тебе, о Меч Ислама!

— Спрашивай! – Зияд придержал коня.

— Хочу обратиться к тебе не как простой воин к своему предводителю, а как человек к человеку.

— Спрашивай! – повторил Зияд, насторожившись.

— Твой отец – Адам. И мой отец – Адам. Твоя мать – Ева, и моя мать – Ева. Верно ли я говорю?

— Верно.

— Значит, мы с тобой – братья. Но у тебя столько добра, а у меня ничего нет. Почему бы тебе не поделиться со мной по-братски?

— Только-то, – с облегчением сказал главнокомандующий.

Он порылся в поясе и вложил в раскрытую ладонь воина мелкую монетку – один данг, шестую часть дирхема.

Вот тебе деньги.

— И это называется справедливая дележка? – воскликнул Аль-Бакка.

Толпа, собравшаяся вокруг, молча глазела.

— Тс-с! Не кричи так громко, – прошептал Зияд. – Видишь, сколько братьев стоит? Не дай бог, услышат, так тебе и этого не достанется.

И Зияд ибн Салих тронул коня.

...Весь день после этого друзья-приятели потешались над неудачником-просителем.

Однако к вечеру главнокомандующий прислал своему воину трофейную лошадь.

Битва

Наконец-то!... Армии двух мировых империй встретились на берегах реки Талас. Их разделяла неширокая лента быстротекущей воды. Даже сейчас, в середине лета, она была чрезвычайно холодной, ибо питалась ледниками с вершин Небесных гор – Тянь-Шаня.

Зияд ибн Салих построил свою армию в традиционном порядке – в четыре боевые линии.

Первая линия символически называлась «Утро псового лая». Она состояла из рассыпанного строя всадников – самых отпетых головорезов, которым и на жизнь, и на смерть – наплевать. Конечно же, десятка сарханга Хаки-ма была тут.

Кони нетерпеливо пританцовывали, грызли удила – они ведь тоже чувствуют и понимают: настал тот самый час!

Вторая линия войск называлась «День помощи». Тут стояли хорасанские полки, они должны были вступить в битву, если первая линия не добьется успеха.

Третью линию составляли бойцы из Мазандерана¹ и конные полки бедуинов². Отборные войска. Их задача – остановить прорвавшегося врага и дать время обойти его с флангов последней, четвертой линии. Для окончательного удара. Третья линия называлась «Вечер потрясения»; четвертую неофициально прозвали «Аллах поможет». Это был последний резерв. Составляли его три конных полка ветеранов и верблюжий полк всадников на одногорбых верблюдах из Южной Аравии, так называемых махари. В скорости они не уступали лучшим скакунам.

Мы забыли упомянуть, что в первой линии стоял небольшой тюркский отряд. Это карлукский джабгу прислал арабам дружину алпов-богатырей во главе со своим братом – в помощь и для укрепления доверия.

¹ Мазандеран – область на севере Ирана.

² Бедуины – кочевые арабы.

На правом берегу Таласа выстроилась танская армия.

В центре стояли смелые юноши из патриотически настроенных семейств, в золотых доспехах и отборная пехота в доспехах из шкур диких буйволов, на которых в ярком солнечном свете нестерпимо блестели начищенные железные пластинки...

Слева и справа протянулись полки из горных и предгорных областей, в чешуйчатых латах... далее – полки из северных провинций в кольчугах, совсем недавно введенных в употребление. Пешие стрелки были вооружены длинными луками из тутового дерева; другие—маленькими арбалетами... Был отдельный полк маньчжурского племени шивэй с изящными роговыми луками.

На флангах уступами расположилась конница. У всадников были огромные раскрашенные луки, усиленные накладками из рогов и сухожилий; их когда-то китайцы переняли у северных кочевников. Теперь же такое дальнобойное оружие изготовлялось мастерами в Хэбэе и Северном Шанси.

У каждого стрелка-пехотинца и конника на боку висел колчан, сплетенный из белой лозы и покрытый черным или красным лаком. В колчанах – полно длинных бамбуковых стрел. Бамбук для их изготовления доставлялся из чащ Цзянси и Хунани к югу от Длинной реки – Янцзы.

У арбалетчиков дротики были короткими, с оперением из кожи. Вся линия танских войск ослепительно сверкала, искрилась тысячами зайчиков под июльским солнцем, «так что озаряла небо и землю», как выразился китайский летописец.

В довершение этого великолепия над войсками колыхались пурпурные знамена-драконы...

Тем временем карлукский правитель стягивал дружины подвластных ему племен к глубокому тылу китайцев.

Разведка, высланная по всем направлениям танским полководцем, ничего подозрительного не донесла. Но на всякий случай предусмотрительный Гао Сяньчжи оставил для прикрытия тыла большой отряд пехоты и несколько кавалерийских частей. Вместе с лагерной охраной и обозными слугами они составляли значительную силу.

* * *

Весь день простояли арабы вдоль берега реки. Солнце жгло нестерпимо. Даже этим детям южных пустынь становилось невмоготу. Пот стекал по смуглым лицам, зудились мокрые спины под нагретым металлом доспехов.

В полдень по призыву муэдзинов¹ войско сотворило намаз². Главный поставщик воды имам³ Йакуб аль-Хари-си, обладавший трубным голосом, напомнил воинам ислама о райском блаженстве, которое ожидает павших в бою за веру.

После полудня по рядам пронесли холодную воду. Изнемогавшие бойцы освежились. Многие отдали свои порции верному другу – коню.

Танским войскам было не легче, хотя солнце било им в спину, а не в лицо. Среди них находилось много северян, которым среднеазиатская июльская жара казалась просто невыносимой. Вид текущей холодной воды, которой нельзя освежиться, доводил до иступления.

В полдень было дано разрешение перекусить стоя. Солдаты утолили голод тем, что нашлось в походных сумках.

Так простояли до вечера.

С наступлением сумерек оба полководца отвели свои армии на исходные рубежи, оставив усиленные боевые охранения.

Собственно, опасаться было нечего: ночной переход через реку и последующая атака практически невозможны. А ночные сражения таких масс войск просто нереальны.

На второй день повторилось то же самое: армии простояли друг против друга, разделенные лентой реки.

Лишь ночь принесла кратковременный отдых и долгожданную прохладу.

На рассвете третьего дня войска опять заняли боевые позиции. Стояли до заката. И у той, и у другой стороны накопи-

¹ *Муэдзин – служитель религиозного культа у мусульман.*

² *Намаз – молитва.*

³ *Имам – а данном случае лицо, на которое возложена обязанность проведения молитвы.*

лась неизбежная злоба, которая требовала какого-то выхода и находила его – в явном пренебрежении к противнику...

К ночи чуть подул ветерок. Воины впервые по-настоящему отдохнули.

Карлукские вожди закончили сбор дружин. Огромная масса конных войск, словно вода, сдерживаемая временной плотиной, скопилась в глубоком тылу танской армии, готовая обрушиться на врага неудержимой лавиной.

Четвертый день прошел по точно такому же распорядку, как и предыдущие три, – к этому уже начали привыкать.

На танской стороне произошел небольшой инцидент. Разобранись: прибыла дружина кочевых воинов-тюрков. Как союзники. Возглавлял их Байташ-тегин из «черных» тюр-гешей.

В тот же день джабгу карлуков отдал своим воинам приказ напасть на тылы танов.

А китайская разведка между тем ничего не доносила своему главнокомандующему...

Гао Сяньчжи сидел в своем шатре, играл в го¹ с военачальником Ли Сяном. Пятый день длится противостояние. Ну что ж, все идет так, как он и предполагал, арабы не осмелятся напасть. Отряд танских войск, осаждавший в Таразе арабского полководца Сайда ибн Хумейда, скоро возьмет этот город – самый крайний на востоке опорный пункт пришельцев с Запада.

Поэтому Гао был спокоен.

И тут ему доложили:

— Замечены крупные скопления жунов – тюрков – в шестидесяти ли² к востоку.

Гао отдал соответствующий приказ тыловому заслону и продолжал играть. Пятый день шел, в общем-то, как и предполагалось...

Через два часа в шатер вошли начальник охраны Чжан Лао, начальник разведки и с ними – окровавленный воин.

— Жуны напали на войско Ли Сяна! Их больше, чем воды в Хуанхэ!

¹ Го – древняя игра в Китае.

² Ли – примерно 20,6 км.

Военачальник Ли Сян вскочил как ужаленный Гао Сяньчжи отодвинул игральную доску и встал. Корпус Ли Сяна был тем самым заслоном в тылу армии – на всякий случай-Главнокомандующий подробно расспросил израненного разведчика: много ли жунов? Какие у них знамена? Разведчик отвечал: много! И знамена – самые разные:

с конскими хвостами, с волчьей головой...

— А не было ли красного полотнища?

— Было, – чуть слышно прошептал разведчик; он совсем ослабел от ран.

— Значит, на нас идет сам правитель жунов, – не теряя спокойствия, заключил Гао. – Готовьтесь. Это – уже серьезно.

Он велел подать себе доспехи, покрытые золотым лаком, – подарок императора. Потом он взял поданный слугою меч, который мог резать яшму: его выковали мастера из Кунью, а кузнечные меха им раздували девушка и девственный юноша – вследствие такого специального изготовления меч считался неодолимым.

Эфес и ножны были сплошь усеяны драгоценными камнями, а рукоять покрывала акулья кожа.

Взял полководец также короткий нож; такое оружие изготовлялось для танского двора в Восточной Сычуани, близ горных ущелий...

Он сел на коня и в сопровождении свиты поднялся на возвышенное место.

Арабские войска стояли на том берегу в привычном спокойствии. В тылу пока еще ничего не было видно, однако Гао знал: в эту минуту его арьергард погибает под ударами тюркских стрел, копий, мечей.

И он решился на крайнее средство: отдал приказ снять часть войск с боевой линии и повернуть навстречу новому врагу.

Тяжелая латная конница с флангов двинулась в тыл.

Арабы как будто ничего не заметили, по-прежнему стояли неподвижно.

Гао Сяньчжи сам возглавил контрудар.

Армия кочевников шла всеокрушающей лавиной. Гао видел, как мгновенно были смяты передние ряды его войск,

как побежали назад в панике пехотинцы из обоза... Страшные всадники догоняли их и поднимали на копья...

Он видел конские хвосты на поднятых древках. И оскаленные волчьи пасти. А в центре атакующего тюркского клина гордо реяло красное полотнище чигилей¹... Там сам Джабгу шел в атаку.

Страшную картину представляет собой атака конного войска: как будто исполинский беркут, расправив два своих могучих крыла, неудержимо, страшно, сметая все на своем пути, несется на врага.

И все-таки Гао Сяньчжи, предвидевший такой вариант, успел вовремя повернуть свои части навстречу степной силе. И случилось почти невозможное: лавину удалось приостановить, замедлить ее движение. Бой шел жестокий, ужасный, но опытный глаз видел: удар кочевников теряет силу. Вот-вот они выдохнутся.

И тут с фронта ударили арабы.

...Зияд ибн Салих наблюдал с возвышения за переправой своих воинов. На его глазах многие падали в холодные воды Таласа, пронзенные стрелами. Перевернувшиеся кони с задранными копытами, людские спины, бурнусы, шлемы – все смешалось – воды не было видно...

— Они попадут в рай, – вслух произнес Зияд ибн Салих, видимо, отвечая на собственные мысли.

Гао Сяньчжи, этот изнеженный аристократ, вечно пребывавший в ностальгии, сын корейского эмигранта, превратился в яростного воина. Когда арабы ударили, он собственноручно сразил начальника линии «Утро псового лая» ибн Саббаха, раскроив ему череп своим «волшебным» мечом. От его руки пал Туранташ, знаменитый степной богатырь, тот самый, в чьем коне аль-Бакка признал своего Талька...

Он сражался так, как будто хотел во что бы то ни стало пасть в бою... Он уже был дважды ранен, когда охрана во главе с Чжаном Лао оттеснила врагов. Чжан кричал, задыхаясь :

— Господин! Вверх! Вверх по течению!

¹ Чигиль – одно из карлукских племен, обитавших на Иссык-Куле.

Но Гао видел: пробиться к своим погибающим войскам и сложить голову вместе с ними уже невозможно. Арабы плотной стеной перекрыли проход.

И в этот миг неожиданно пришла помощь.

Кяин всадников в тюркском боевом наряде вырвался от куда-то сбоку и ударил в арабскую стену. Тяжелая латная кавалерия стремительно прошла через полк бедуинов, рассекая его надвое, как нож. В первом всаднике – предводителе – Гао Сяньчжи узнал того, кто привел ему отряд жунов не далее как вчера. У него странное для слуха цивилизованного человека имя: Байташ Тегин... Но как он дерется! Вот повалился с коня всадник в белом бурнусе, вот второй... Удивительный воин!

— Господин! Господин! Нужно торопиться! – кричал Чжан Лао.

...Они соединились с войсками. Тысячи солдат Поднебесной, загнанные в теснину, устремились вверх по течению реки.

Страшная давка стала причиной гибели многих. Люди с побелевшими лицами, вытаращенными глазами лезли друг на друга и давили, давили, давили – своих...

Личная охрана полководца в шлемах, похожих на крошечные одноэтажные пагоды, в куртках с нашитыми металлическими пластинками, вклинилась в это обезумевшее скопище...

Засверкали широкие мечи: пришлось прорубать коридор среди живых людей... И конвой во главе с Чжаном Лао делал это с мрачными лицами. Пронзительные вопли, стоны разрывали душу. Сыпались страшные проклятья. Но конвой продолжал кровавую рубку: гвардейцы работали, как дровосеки. Только вместо дров были живые, свои, солдаты...

А внутри этого железного клина шел, весь израненный, Гао Сяньчжи с непокрытой головой – в бою он потерял шлем...

Эпилог

Полное и сокрушительное поражение танской армии стало фактом. Остатки ее отступали вверх по руслу Таласа, преследуемые врагами, пока ночь не скрыла беглецов.

Карлукские витязи грабили брошенный лагерь. С ними была часть арабов. Другая же часть уже поздней ночью прекратила преследование.

Следующий день у победителей был днем заслуженного отдыха. Все войско находилось в праздничном настроении.

Совершили утренний намаз. Главный мулла имам Йакуб аль-Хариси произнес торжественную проповедь.

...Неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба Чжа-на Лао. Как и судьба его командира Гао Сяньчжи.

Вскоре Китай пережил ужасную братоубийственную, гражданскую войну. Два крупнейших военачальника – Ань Луншань и Ши Сымин подняли восстание против императора Сюань-цзуна. Войска намеревались обуздать засилье фаворитов. Сам император вынужден был отречься от престола.

Остается еще сказать о Зияде ибн Салихе. Будущее для него оказалось коротким. В 752 году он поднял восстание против своего покровителя Абу Муслима и был убит. А в 755 году и Абу Муслим, наместник Хорасана в Средней Азии, был вызван во дворец халифа и коварно умерщвлен. Халиф аль-Мансур боялся возраставшего влияния бывшего раба.

Таласская битва имела огромное значение для судеб народов Средней Азии. После этого сражения китайцы не ступали на территорию региона почти тысячу лет. Арабы тоже недолго здесь удержались. И племена Ала-Тоо смогли развивать свою самобытную культуру в течение многих столетий, не испытывая насильственного давления других культур.